

Валерий Брюсов

# Неувядаемая слава Франции



## Валерий Яковлевич Брюсов

# Неувядаемая слава Франции

«Гюго Виктор – величайший из французских поэтов XIX столетия (1802–1885). Родился в Безансоне, когда, по выражению самого поэта, „веку было два года“, и умер уже в ту эпоху, которую определяют выражением *fin du siècle*. Таким образом, жизнь Гюго наполняет весь век. Шестинедельным ребенком Гюго был увезен из Франции, так как его отец, генерал наполеоновской армии, по обязанности службы часто переезжал с места на место. Маленький Виктор (третий сын в семье) ребенком побывал на Корсике, на Эльбе, в Неаполе, Риме и Флоренции и первые слова учился лепетать по-итальянски. В 1811 году его отец получил пост первого майордома при испанском короле Иосифе и переселился с семьей в Мадрид. Здесь Виктор учился в местной дворянской семинарии, и его хотели зачислить в пажи короля. Путешествия по Италии и Испании оставили глубокое впечатление в душе будущего поэта; они подготовили его „романтическое“ мирозерцание. Сам Гюго говорил позднее, что Испания была для него „волшебным источником, воды которого опьянили его навсегда“. В 1813 году, ввиду политических событий, семья Гюго принуждена была покинуть Испанию. Последовавшее затем окончательное падение Наполеона сильно отразилось на семье; отец Гюго лишился своего блестящего положения,

и вскоре между супругами Гюго состоялся развод. Виктор остался у матери, яркой роялистки; в этом духе она воспитала сына...»

**Валерий Брюсов**  
**Неувядаемая слава Франции**

Гюго Виктор – величайший из французских поэтов XIX столетия (1802–1885). Родился в Безансоне, когда, по выражению самого поэта, «веку было два года», и умер уже в ту эпоху, которую определяют выражением *fin du siècle*[1]. Таким образом, жизнь Гюго наполняет весь век. Шестинедельным ребенком Гюго был увезен из Франции, так как его отец, генерал наполеоновской армии, по обязанности службы часто переезжал с места на место. Маленький Виктор (третий сын в семье) ребенком побывал на Корсике, на Эльбе, в Неаполе, Риме и Флоренции и первые слова учился лепетать по-итальянски. В 1811 году его отец получил пост первого майордома при испанском короле Иосифе и переселился с семьей в Мадрид. Здесь Виктор учился в местной дворянской семинарии, и его хотели зачислить в пажи короля. Путешествия по Италии и Испании оставили глубокое впечатление в душе будущего поэта; они подготовили его «романтическое» мировоззрение. Сам Гюго говорил позднее, что Испания была для него «волшебным источником, воды которого опьянили его наве-

гда». В 1813 году, ввиду политических событий, семья Гюго принуждена была покинуть Испанию. Последовавшее затем окончательное падение Наполеона сильно отразилось на семье; отец Гюго лишился своего блестящего положения, и вскоре между супругами Гюго состоялся развод. Виктор остался у матери, ярой роялистки; в этом духе она воспитала сына.

Живя в Париже, Гюго учился в частном пансионе Кордые и в коллеже Святого Людовика. Но уже в те годы Гюго больше, чем учением, интересовался литературой и усердно писал стихи. В его тетрадях сохранилась записка, сделанная, когда ему было 15 лет: «Я хочу быть или Шатобрианом, или ничем». Рано изведаль Гюго и литературные успехи. Он получил почетный отзыв Академии за представленную на конкурс оду «Выгоды знаний», был трижды увенчан на Тулузских литературных конкурсах. В 1818 году умерла мать Гюго. Отец поэта, с неудовольствием смотревший на его литературные занятия, отказал ему в материальной помощи. Но Гюго сознательно избрал деятельность писателя

и остался верен своему призванию на всю жизнь.

Еще со школьной скамьи он начал издавать вместе с братьями журнал «Литературный консерватор», в политическом отношении – роялистический, в литературном – консервативный. В своем журнале Гюго поместил ряд своих стихотворений и первую редакцию своей юношеской повести «Бюг Жаргаль», в которой много чисто «романтического». «Консерватор» прекратился в 1821 году, но произведения молодого Гюго обратили на него внимание, и он вошел в «салон Арсенала», где познакомился с молодыми поэтами своего времени, в среде которых зрело французское романтическое движение. Особенно сблизился Гюго в этом кружке с Альфредом де Виньи, бывшим лет на пять старше. Друзья проводили целые дни вместе, говоря только о стихах. Дружеская критика одинаково восхищалась стихами как Гюго, так и Виньи, колеблясь, кому отдать первенство. Виньи бесспорно оказал большое влияние на Гюго, заставив его окончательно порвать с господствовавшим «лжеклассическим» направле-

нием в поэзии. В первых сборниках стихов Гюго («Оды» 1822 г., «Новые оды» 1824 г.) еще мало новаторского. Вторая книга имела шумный успех, и король назначил ее автору ежегодную пенсию в 2000 франков. Это несколько обеспечило существование Гюго и дало ему возможность жениться на подруге детства мадемуазель Фуше. В 1823 году Гюго принял близкое участие в издании журнала «Французская муза» (просуществовавшего всего 12 месяцев), который открыто заявил себя органом нового направления в литературе и своим эпиграфом из Вергилия объявлял о наступлении новой эры.

В 1823 году появился роман Гюго «Ган Исландец», написанный под сильным влиянием Вальтера Скотта и понравившийся современникам своими кроваво-страшными сценами. В 1826 году появилось новое, дополненное издание «Оды и баллады» и новая редакция повести «Бюг Жаргаль». Важнейшее значение имели две следующие книги Гюго: драма «Кромвель» (1827), с ее предисловием, в котором, несмотря на туманность содержания, можно было усмотреть смелый манифест ро-

мантической школы, и сборник стихов «Восточные мотивы» (1829), которые вполне удовлетворяли стремление той эпохи к «экзотическому». После появления этих книг Гюго решительно занял первое место среди тогдашних французских поэтов.

Около того же времени в политических воззрениях Гюго произошел решительный перелом: под влиянием размышлений и чтения он из убежденного роялиста стал восторженным поклонником Наполеона. Это вполне выразилось в его «Оде колонне» (1827), получившей широкое распространение. Дальнейшая эволюция привела Гюго от преклонения перед военной славой империи к преклонению перед свободой народа и, наконец, гораздо позже, к убеждениям республиканским. В области литературной Гюго все решительнее начинает отстаивать романтическую свободу творчества. Драма «Кромвель» была написана не для сцены. Следующая драма «Марион Делорм» (1828) была запрещена драматической цензурой. Наконец, в 1830 году на сцене Комеди Франсез появилась драма Гюго «Эрнани». Представление ее обратилось

В ряд настоящих сражений между романтиками и их литературными противниками. Молодежь устраивала шумные овации Гюго и торжественно признала его главой новой литературной школы. Большое впечатление произвела и повесть «Последний день осужденного к смертной казни» (1829), в истинно художественной форме заключающая в себе убедительнейший протест против смертной казни, какой когда-либо был написан. Повесть тотчас же была переведена почти на все европейские языки, в том числе и русский (СПб., 1829). После этого появление каждой новой книги Гюго считалось литературным событием. С 1830 по 1851 год им были изданы: ряд сборников стихов: «Осенние листья» (1831), «Песни сумерек» (1835), «Внутренние голоса» (1837), «Лучи и тени» (1840), несколько драм: «Король забавляется» (1832), «Лукреция Борджиа» (1833), «Мария Тюдор» (1833), «Анджело, тиран падуанский» (1835), «Рюи Блаз» (1838), «Бургграфы» (1843), повесть (также направленная против строгости уголовных наказаний) «Клод Ге» (1834), большой роман «Собор Парижской Богоматери» (1831)

и три тома различных статей: «Этюды о Мирабо» (1834), «Спор литературы и философии» (1834), «Рейн» (1842).

Новый период в жизни Гюго начинается с революции 1848 года. Благодаря своей огромной популярности он был избран в члены Учредительного (1848) и в члены Законодательного собрания (1849). Ведя борьбу с крайними радикалами (для чего одно время он издавал газету «Событие»), Гюго в то же время заявил себя решительным республиканцем. Когда стало обнаруживаться стремление Людовика-Наполеона захватить верховную власть, Гюго выступил против него с резкими обличениями. В противодействии декабрьскому перевороту 1851 года Гюго принимал самое деятельное участие и лично сражался на баррикадах. После успеха государственного переворота Гюго пришлось бежать, и тем началась его жизнь изгнанника, продолжавшаяся 18 лет.

Сначала Гюго поселился в Брюсселе, но вскоре бельгийское правительство приказало ему покинуть Бельгию. После того, в течение трех лет, Гюго жил на острове Джер-

сее, находящемся близ берегов Франции, но под благовидным предлогом английское правительство принудило его удалиться и отсюда. Тогда Гюго переехал на соседний остров Гернсей, который и стал его постоянным местопребыванием. «Мое убежище теперь и, вероятно, моя могила» – так называет он этот остров в одном из предисловий, написанных им в годы изгнания. Первые книги, написанные Гюго после изгнания, являются отголосками политической борьбы: то был жестокий памфлет «Наполеон маленький» и сборник политических стихотворений «Возмездие» (1852). Постепенно Гюго вернулся, однако, и к чисто художественному творчеству. Живя в уединении от больших центров, стесненный материально (так как личное его состояние было очень невелико, драмы сняты с репертуаров французских театров, а доход от книг постоянно подрывался контрафакционными изданиями), Гюго работал с неутомимым усердием. За годы изгнания им написано безмерное количество стихов, из которых, впрочем, только немногие были опубликованы тогда же, а большая часть появилась зна-

чительно позднее, многое – лишь по смерти поэта. Тогда же им были написаны три романа, которые, вместе с «Собором Парижской Богоматери», преимущественно и создали Гюго значение писателя общеевропейского.

Первый из них – громадная эпопея «Отверженные» (1862) представляет целую энциклопедию французской и особенно парижской жизни начала XIX века. Второй, «Труженики моря» (1866), в ярких картинах изображает быт тех ламаншских рыбаков, среди которых был принужден жить поэт. Третий, «Человек, который смеется» (1869), воссоздает жизнь английского общества начала XVIII века, от самых высших до самых низших его классов. Свои стихи за годы изгнания Гюго собрал только в два сборника, «Созерцания» (1856) и «Песни улиц и лесов» (1865), но в 1859 году им была написана первая часть замечательной лирической эпопеи, законченной позднее (изд. 1877 и 1883), – «Легенда веков», которая в ряду баллад стремится изобразить всю историю человечества. К книгам, изданным Гюго в изгнании, надо еще присоединить его труд о Шекспире (1864), написанный в то вре-

мя, как сын Гюго готовил новый французский перевод великого трагика.

Литературная деятельность Гюго проявилась еще в обширнейшей переписке, которую он вел с замечательными людьми всей Европы (в том числе с Герценом), и в публичных выступлениях с письмами и манифестами, в которых поэт-изгнанник принимал тон всесветного защитника справедливости против угнетения.

Франко-прусская война и падение Наполеона положили конец изгнанию Гюго. В сентябре 1870 года Гюго вернулся в Париж и был встречен восторженно. Избранный в Национальное собрание, он настаивал на продолжении войны, и когда победили сторонники мира, сложил обязанности депутата. Время Коммуны Гюго провел в Брюсселе, откуда ему пришлось уехать в Лондон, когда он выступил с защитой коммунаров. Тогда же был напечатан сборник стихов, посвященных событиям того года: «Грозный год» (1871). Когда жизнь во Франции несколько успокоилась, Гюго вернулся в Париж, где и провел последние 14 лет жизни, окруженный все возраста-

ющей славой и неслыханным почитанием современников. При жизни Гюго еще напечатал семь новых сборников стихов (из которых наиболее примечательны: «Искусство быть дедом», 1877 г., и «Четыре ветра духа», 1881 г.) и подготовил к печати пять других, с тем, чтобы они появились после его смерти через определенные промежутки времени (наиболее замечательные: «Конец Сатаны», «Все струны лиры», «Последний сноп»). В то же время он написал свой последний роман или, вернее, хронику, изображающую события великой революции, – «Девяносто третий год» (1874) и свою последнюю драму, «Торквемада» (1882), запоздалый плод романтизма среди новых литературных веяний; издал (1877) свою памфлетическую историю декабрьского переворота, которая частью была написана и частью опубликована еще в 1852 году («История одного преступления»), книгу о Ла-Манше (1884), собрание своих политических речей, некоторых воспоминаний и т. п.

Все эти произведения уже не имели того значения в литературе, как прежние книги

Гюго, хотя он и следил ревниво за всеми новейшими течениями, стремясь, например, в последних частях своей «Легенды веков» соперничать с парнасцами. Это не мешало всему литературному миру Франции чтить в Гюго своего патриарха. К нему приходили на поклонение, и престарелый поэт, в котором тщеславие было немалой слабостью, охотно раздавал молодым авторам свои поощрения, то лично, восседая на подобии трона, то в лапидарных письмах. Так, между прочим, приветствовал он представленного ему Верленом юношу Артюра Рембо.

Третья республика также осыпала Гюго почестями. Он был избран сенатором (но в заседаниях Сената участвовал редко). В 1882 году торжественно был отпразднован день 80-летия Гюго. В Безансоне на доме, где он родился, была прибита бронзовая доска с барельефом поэта. Когда Гюго скончался 22 мая 1885 года, его тело было выставлено для поклонения под Триумфальной аркой; в день его похорон, собравших весь Париж, были закрыты все общественные учреждения и учебные заведения. Тело Гюго похоронено в Пан-

теоне.

В России и вообще за границей Франции Гюго наиболее известен как автор романов и отчасти как драматург. Драмы Гюго для нашего времени значительно поблекли. Характеры, созданные им, односторонни. Он то награждает своих героев всеми добродетелями, то делает их вместилищем всех пороков. Психология этих героев прямолинейна и однообразна. Ход действия исполнен всяких несообразностей; автор постоянно прибегает к передеваниям, неожиданным «узнаваниям», «голосу крови» и т. п., нагромождает ужасы и шумные сцены. Сохраняют значение только лирические места этих драм, а в некоторых еще живое изображение прошлого быта, например в «Бургграффах».

В романах Гюго, напротив, иное бесспорно принадлежит искусству «вечному». Правда, в них много недостатков, характерных для всего «романтического романа». Изложение постоянно прерывается бесконечными отступлениями, лирическими, историческими, философскими; картины поверхностны

и условны; психология действующих лиц разработана неглубоко; запутанная интрига маловероятна, и автор заставляет своих героев совершать подвиги невозможные (Жан Вальжан); неприятно действует стремление Гюго, с годами усиливавшееся у него, везде выставить антитезы: черному у него постоянно противопоставляется белое, пороку – добродетель, трагическому – смешное; те же антитезы до нестерпимости пестрят самый стиль. Но Гюго побеждает читателя своим поразительным умением все изображать ярко и рельефно, заставляя воочию видеть описываемые сцены. Созданные им лица кажутся живыми не потому, что поэт раскрыл пред нами их душу, а потому, что он из слов изваял их явно зримые образы. Так нельзя забыть Гавроша, ночующего с малышами в «слоне», или детей, забытых в пылающем замке в «Девяносто третьем годе». Когда Гюго вносит в роман черты автобиографические, он проникает и в глубину человеческой души, как, например, в образ Мариуса. Исторические картины Гюго, при всем их несовершенстве с научной точки зрения, изумительно живо-

писны. Может быть, Средневековье было не таково, как оно изображено в «Соборе», но Гюго заставляет нас его таким видеть и в то, что мы видим, верить. Особый дар Гюго составляло проникновение в жизнь неодушевленных предметов, благодаря чему и собор Богоматери, и море, и горящий замок у него кажутся живыми существами.

Самые антитезы Гюго, в силу мастерства его слова, производят иногда глубокое впечатление: такова, например, сцена борьбы с пушкой на корабле («Девяносто третий год») или речь Гуинплена в палате лордов («Человек, который смеется»). В описаниях знакомого ему быта («Труженики моря», «Отверженные») Гюго умеет быть простым, правдивым и трогательным. Наконец, в отступлениях Гюго есть страницы, исполненные подлинного пафоса и ораторской энергии (главы о Ватерлоо и др.).

И все же главная сила Гюго – в его стихах. Во Франции Гюго чтут прежде всего как поэта-стихотворца. Поэзия Гюго тоже не лишена крупных недочетов. Поэта в ней нередко заменяет искусный ритор, готовый красиво де-

кламировать на какие угодно темы. Он постоянно гоняется за крикливыми эффектами, упорно ищет величественного и часто дает только напыщенное. Антитезы в стихах Гюго докучают еще больше, чем в его прозе. Очень любя философствовать в стихах, он совершенно лишен философского склада ума. Говоря о вопросах отвлеченных, он пышной фразеологией прикрывает самые банальные мысли. Но зато Гюго не имеет себе равных в умении создавать стихом пластические образы и целые красочные картины. Он неистощим в изобретении все новых и новых образов, которые непобедимо встают перед глазами читателя. Многие из этих образов стали символами, значение которых далеко перерастает то, что хотел сказать сам поэт. Слабей в песнях интимных, чисто лирических, Гюго вырастает в истинно великого поэта, как только приближается к эпосу. Равно он силен в оде и сатире. Он умеет воздвигать из стихов триумфальные арки и умеет стихом бичевать. Неистощим Гюго в выборе слов. Его словарь богат, разнообразен, почти всеобъемлющ, и каждое слово он умеет поставить так, что-

бы оно произвело наибольшее впечатление. Великий мастер языка, Гюго умеет находить выражения, которые всё, даже самое известное, делают новым и неожиданным. В области техники стиха он достиг совершенства, которого до него во французской поэзии не бывало. Освободив стих от стеснительных правил лжеклассиков, он подчинил его законам, которые ему подсказывало его безошибочное чувство гармонии. Стих Гюго всегда силен и звучен, часто певуч, иногда виртуозен; рифмы Гюго всегда полновесны, красивы и существенно нужны стиху, а часто и исключительно богаты.

Многое в стихе введено Гюго во французскую поэзию впервые; в его поэзии есть настоящие *tour de force*[2] побежденных технических трудностей. Французские критики различают «три манеры» Гюго: действительно, стихи «Восточные мотивы» отличаются от стихов «Возмездие» и тем более от стихов «Легенда веков». В поэзии от простого описания Гюго переходил к ораторскому пафосу и потом к пророческому тону; но основной тон поэзии Гюго всегда оставался единым.

В историю литературы Гюго перейдет как величайший мастер французского слова, гениальный создатель образов и картин из слов, мощный оратор в стихах, находивший на своей лире рядом с громовыми звуками и нежные звуки свирели, порой унижавший поэзию до риторики, но иногда и риторику возвышавший до поэзии.

# Сноски

Конец века (*фр.*).

[^^^]

## 2

Силовые решения (*фр.*).

[^^^]